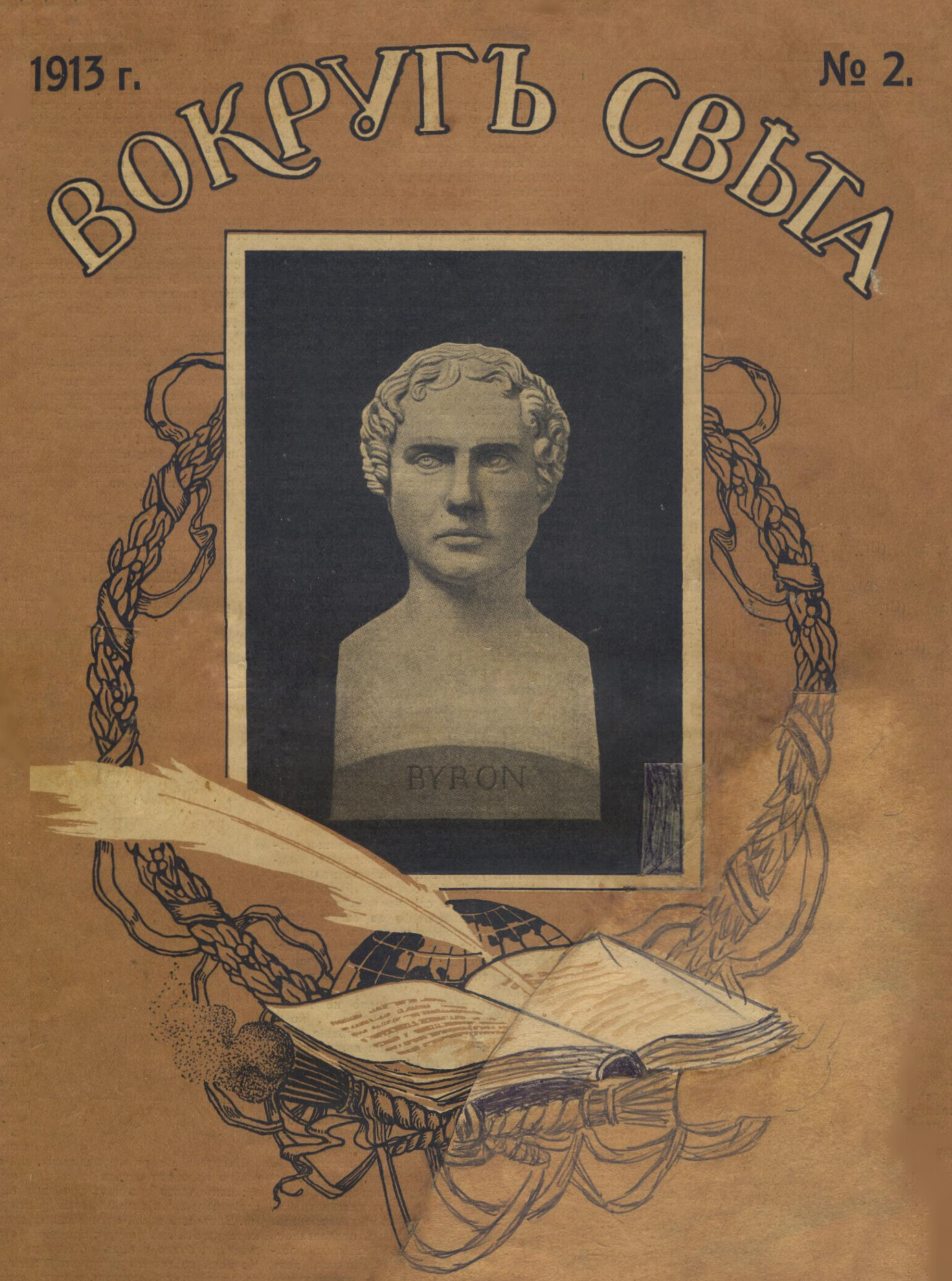
1913 г. № 2.

ВОКРУГЪ СВѢТА

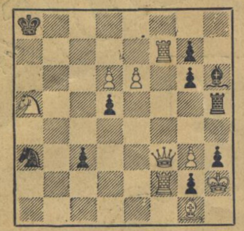
ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ШАХМАТЫ.

Подъ редакціей О. С. Бернштейна.

Адресъ для писемъ и рѣшеній шахматныхъ задачъ: Москва, у хр. Спасителя, д. Перцовой, кв. 10.

№ 69. Закманъ, Кёнлайнъ и Пшепюрка.

(9 + 10 = 19).

Матъ въ 3 хода.

№ 70. К. Эрлинъ.

Бѣлые: Крg7, Фе4, Лd6, Кf7, Пh4 (5).
Черные: Кре8, Сс8, Пс7, d7, е7 (5).

Матъ въ 2 хода.

Партія № 35, ферзевой дебютъ.

(Играна въ Новой-Зеландіи въ 1912 г.).

Н. Джемсъ.	Э. Майльсъ.	Н. Джемсъ.	Э. Майльсъ.
1. d2—d4;	d7—d5	13. Фd1—e2;	a6—a5
2. Кg1—f3;	Кg8—f6	14. Лf1—d1;	0—0
3. Сс1—f4;	e7—e6	15. Фе2—с2;	h7—h6(4)
4. e2—e3;	b7—b6(1)	16. Сd3—f5;	c7—c5
5. c2—c4;	Сс8—b7	17. Кf3—e5!;	c5 : d4(5)
6. Кb1—c3;	a7—a6	18. Сf5—h7+;	Крg8—h8
7. c4 : d5;	e6 : d5	19. Ке5 : f7+!;	Лf8 : f7
8. Сf1—d3;	Кb8—d7	20. Кf4—g6+;	Крh8 : h7
9. Лa1—c1;	Сf8—e7	21. Кg6—f8+;	Крh7—g8
10. 0—0;	Кf6—h5(2)	22. Фс2—h7+;	Крg8—f8
11. [illegible]	Кh5 : f4	23. Фh7—h8×(6).	
12. [illegible]	[illegible]8(3)		

...ный ходъ; лучше 4 c7—c5, затѣмъ
...емени. Лучше было 10. 0—0 и за-
... c7—c5 или Се7—d6 (нельзя
...рышемъ пѣшки).
...тъ положеніе черпаго
...ужнымъ Се7—f6—g7.
...качества, но не отъ
...ходовъ.

...ІЙ.

... Фg8—b3.

побѣгн къ аресту при волостномъ правленіи на нѣсколько дней съ лишеніемъ пищевого довольствія.

Подобный случай можетъ произойти въ наши дни только въ качествѣ курьеза;—вѣдь еще гоголевскій Иванъ Ивановичъ убѣдительно доказывалъ исправнику, что его бурая свинья никакъ не можетъ быть привлечена къ отвѣтственности, хотя она и совершила немалое преступленіе, утащивъ изъ суда жалобу Ивана Никифоровича.

Но въ старину животныя не хуже людей признавались отвѣтственными передъ закономъ: судебные акты средневѣковья пестрятъ описаніемъ процессовъ, гдѣ роль подсудимыхъ играли пѣтухи, рогатый скотъ, лошади и особенно часто свиньи.

Подобнаго четвероногаго преступника привлекали къ форменному судебному слѣдствію и заключали въ городскую тюрьму. На содержаніе заключеннаго животнаго выдавался положенный паекъ изъ городской кассы.

Чтобы соблюсти всѣ формальности, судъ назначалъ четвероногому подсудимому защитника. Ему также было предоставлено право обжаловать постановленіе суда. Но, однако, несмотря на то, что защитникъ относился къ своей задачѣ вполнѣ добросовѣстно и умѣлъ съ тонкой казуистикой выдвинуть защитительные доводы,—процессъ обычно кончался присужденіемъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, потопленіе, побитіе камнями или сожженіе.

Приведеніе въ исполненіе приговора происходило среди той же торжественной обстановки съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, какъ и весь судебный процессъ. Казнь совершалась публично, при немаломъ стеченіи народа, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже при звонѣ колоколовъ.

До насъ сохранилось не мало приговоровъ средневѣковыхъ судовъ по дѣламъ преступныхъ животныхъ съ подробнымъ описаніемъ всего казуса.

Шестьсотъ лѣтъ назадъ, напримѣръ, въ графствѣ Валуа, случилось, что разъяренный быкъ, убѣжавшій изъ стойла, закололъ встрѣтившагося ему человѣка. Графъ отдалъ тотчасъ приказаніе объ арестѣ быка и о производствѣ суда и слѣдствія. Приказаніе было исполнено, и судъ, разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, приговорилъ быка къ повѣшенію. Казнь была совершена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ учинено было преступленіе.

10-го января 1457 г. судъ въ Савиньи разбиралъ дѣло свиньи и шести поросятъ, обвинявшихся въ убійствѣ пятилѣтняго мальчика, Жана Мартена. Послѣ обычныхъ формальностей судья призналъ свинью виновной и приговорилъ ее къ повѣшенію за заднія ноги. Что же касается поросятъ, то ихъ участіе въ преступленіи не могло быть доказано съ достовѣрностью, вслѣдствіе чего они были оправ... но притомъ конфискованы въ пользу ...

...мъ, средневѣковье знало не только ... преслѣдованіе животныхъ, но и ... тяжбы съ ними. Послѣднія были ... что существовали даже особен... ...за по ихъ веденію; и были адво... ...прославили свое имя защитой ...

...подобные иски противъ тѣхъ ... у землепашца отъ ... непримая вражда: противъ ... мышей, крысъ и т. д. ... жалобами потерпѣвшіе ... ный судъ, который, со... ...и производства и вы... защитника животныхъ, ...нію въ назначенный ...лямъ предлагалось ... уединенный ост... ...да иногда велъ ...го разбиратель... ...хъ болѣе благо...

...съ сенъ-жуль... опустошав...шихъ ихъ виноградники насѣкомыхъ, защитникъ послѣднихъ доказалъ многими доводами отъ Священнаго писанія, что растенія созданы на пищу человѣка такъ же, какъ и на кормъ животнымъ. Онъ настолько успѣлъ убѣдить въ этомъ истцовъ, что тѣ сами предложили уступить въ пользу насѣкомыхъ извѣстный участокъ земли, только бы они обязались не трогать виноградниковъ. При этомъ истцы увѣряли, что „господинъ адвокатъ насѣкомыхъ будетъ доволенъ: этотъ участокъ земли заключаетъ въ себѣ различныя породы лѣса, растеній и листвы, — такъ, между прочимъ, дубъ, вишня и другіе деревья и кустарники, не считая находящейся въ достаточной степени травы и другого пастбища". Судъ назначилъ эксперта для осмотра участка,— но намъ неизвѣстно, чѣмъ кончилась эта тяжба.

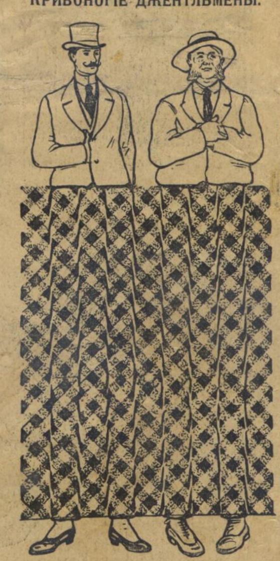
Въ другомъ подобномъ случаѣ дѣло кончилось вполнѣ успѣшно: шпанскія мушки, противъ которыхъ возбужденъ былъ искъ, согласились довольствоваться предоставленной имъ территоріей: контрактъ возобновлялся каждый годъ, и, по увѣренію современника „обѣ стороны соблюдали свято свое миролюбивое соглашеніе".

Таковы эти средневѣковые процессы противъ животныхъ. Каждая культурная эпоха не только живетъ, но и чудачествуетъ по-своему.

Я. Б—инъ.

ИГРЫ, ЗАДАЧИ И ШАРАДЫ

КРИВОНОГІЕ ДЖЕНТЛЬМЕНЫ.

Мы уже не разъ указывали, какъ осторожно надо относиться къ собственному глазу: какъ часто онъ насъ обманываетъ вслѣдствіе пересѣченія линій подъ разными углами. Вотъ еще такой оптическій обманъ. Взгляните на эти двѣ фигуры: при первомъ взглядѣ кажется, будто у нихъ обѣихъ ноги кривыя. Но если поставить рисунокъ горизонтально въ уровень съ глазами, иллюзія исчезнетъ, и ноги обѣихъ фигуръ покажутся прямыми.

XXIX г. изданія. 13 января 1913 г.

№ 2 **ВОКРУГЪ СВѢТА** № 2

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

путешествій, науки, литературы и искусства.

Контора и редакція журнала: Москва, Тверская, д. Т-ва И. Д. Сытина, № 48. — Тлф. 98-57.

Гг. авторы, присылающіе свои рукописи въ редакцію, благоволятъ обязательно прилагать почтовыя марки для отвѣта. Рукописи менѣе печатнаго листа авторамъ не возвращаются; стихотворенія не принимаются и ни въ какую переписку по ихъ поводу ред. не входитъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ журнала, а также въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. — За перемѣну адреса уплачивается три 7-микоп. почтовыя марки. — Цѣна отдѣльнаго № журнала 10 коп., съ книгой — 40 коп. (съ пересылкой).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

съ 24 кн. собранія художественн. соч. Л. Н. Толстого, съ пересылкой и доставкой **7 р.** Допускается разсрочка: 3 р. при подп., 2 р. къ 1 апр. и 2 р. къ 1 іюля.	съ 48 книг. полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого, съ пересылкой и доставкой **11 р.** Допуск. разсрочка: при подпискѣ 4 р., къ 1 апр. 4 р. и къ 1 іюля 3 р.

Замѣна перваго изд. вторымъ и наоборотъ послѣ подп. не допускается.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ВЪ ЖУРНАЛЪ „Вокр. Свѣта" по цѣнѣ: впереди текста 80 коп. и позади текста 60 коп. за строку нонпарели въ одну колонну, принимаются въ Москвѣ — въ конторѣ журнала; въ С.-Петербургѣ — въ книжномъ магазинѣ Т-ва И. Д. Сытина: Невскій 68 и Б. Садовая 25.

ОСТАТКИ ХРАМА ПОСЕЙДОНА НА ЮЖНОЙ ОКОНЕЧНОСТИ АТТИКИ.

Южную оконечность греческой провинціи Аттики, до которой можно добраться въ три часа на пароходѣ отъ Пирея, гавани столичнаго города Аѳинъ, образуетъ мысъ, бѣлые известковые склоны котораго, достигающіе 60 метровъ высоты, круто обрываются въ синія волны Средиземнаго моря. Это мысъ Суніонъ, называемый теперь моряками большею частью мысомъ Колоннаисъ, то-есть, колоннымъ, отъ одиннадцати колоннъ, возвышающихся на его вершинѣ.

Эти колонны представляютъ собою остатки того знаменитаго храма, который въ V столѣтіи до Рождества Христова воздвигли гордыя Аѳины, стоявшія тогда на вершинѣ своего могущества, въ знакъ своего господства на морѣ въ честь морского бога Посейдона.

Остатки знаменитаго храма Посейдона.

Эти развалины храма, стоящія на возвышенномъ мѣстѣ, имѣютъ чрезвычайно живописный и величественный видъ; но не менѣе очарователенъ и своеобразенъ видъ, открывающійся съ вершины мыса во всѣ четыре стороны свѣта.

Съ запада и юго-запада простирается усѣянный островами, изрѣзанный бухтами Сароническій заливъ, а за нимъ поражающій своими разнообразными формами горный міръ полуострова Мореи, древняго Пелопоннеса; на сѣверѣ возвышаются горы Лауріонъ, извѣстныя въ древности своими серебряными рудниками, которые только новѣйшая техника пробудила къ новой жизни послѣ многовѣкового бездѣйствія; на сѣверо-востокѣ лежитъ большой островъ Эвбея, богатый историческими воспоминаніями, красотами природы и ископаемыми сокровищами; на востокѣ же, юго-востокѣ и югѣ изъ синихъ волнъ морскихъ поднимается гармоничными прекрасными линіями группа Цикадскихъ островов.

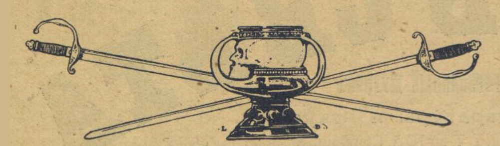
Вблизи можно видѣть еще лучше, чѣмъ съ проходящаго мимо судна, какіе внушительные размѣры долженъ былъ имѣть храмъ Посейдона, а также расположеніе всей постройки.

Благодаря трудамъ Нѣмецкаго Археологическаго Института въ Аѳинахъ, предпринявшимъ на мысѣ Суніонъ обширныя раскопки, явилась возможность подробнѣе ознакомиться съ древнимъ храмомъ.

Храмъ Посейдона, построенный на фундаментѣ болѣе древняго храма, по всей вѣроятности, разрушеннаго во время Персидскихъ войнъ, украшенъ колоннами въ дорическомъ стилѣ.

На продольныхъ сторонахъ его было тринадцать колоннъ, на поперечныхъ — по шести колоннъ. Кругомъ колоннъ, высѣченныхъ изъ лаурійскаго мрамора, хотя и сильно вывѣтрившагося, и сохранившихъ свой ослѣпительно-бѣлый цвѣтъ, лежитъ безчисленное множество обломковъ, въ томъ числѣ фризы съ изображеніями борьбы центавровъ, подвиговъ Тезея и многаго другого, которые, однако, пострадали отъ времени. Обводныя и подпорныя стѣны площади, занятой храмомъ, отчасти еще сохранились, а также остатки снабженной башнями крѣпостной стѣны, окружавшей плоскую вершину мыса.

А. П.

ВѢЧНЫЙ ПИЛИГРИМЪ.

Очеркъ Н. К. Л.

(По поводу 125-лѣтія со дня рожденія Байрона).

Сто лѣтъ тому назадъ, когда на обширныхъ равнинахъ Россіи быстро угасалъ орелъ наполеоновской славы, на литературномъ горизонтѣ туманной Англіи засіяла яркимъ свѣтомъ звѣзда поэтической славы Байрона.

Ровно сто лѣтъ тому назадъ въ Лондонѣ вышла первая книга Байрона „Паломничество Чайльдъ-Гарольда", и эта книга сдѣлала автора „знаменитымъ въ одинъ день".

Скоро печальные, полные меланхоліи и грусти, звуки поэтической лиры поэта-романтика проникли во всѣ уголки Европы и доставили Байрону широкую извѣстность.

Онъ сталъ сразу властителемъ думъ молодыхъ поколѣній первой четверти девятнадцатаго вѣка, и байронизмъ, какъ литературное направленіе, широкой волной распространился во всѣхъ странахъ.

Роль Байрона въ міровой литературѣ и основной характеръ его поэзіи общеизвѣстны, но у насъ, въ Россіи, очень мало знаютъ о Байронѣ, какъ общеизвѣстномъ дѣятелѣ и борцѣ за освобожденіе Греціи отъ турецкаго ига.

Лордъ Байронъ въ 24-лѣтнемъ возрастѣ.

Большинство русской интеллигенціи привыкло видѣть въ Байронѣ только поэта-романтика, „отрицателя", неудовлетвореннаго реальной жизнью и стремящагося къ чему-то далекому, неопредѣленному и неясному.

Однако въ дѣйствительности Байронъ имѣлъ опредѣленное міровоззрѣніе и не являлся только разочарованнымъ отрицателемъ.

Принадлежа къ высшему англійскому обществу, поэтъ съ юныхъ лѣтъ уже возставалъ противъ условностей и традицій этого общества. Въ его душѣ жила горячая вѣра въ свободу.

Всякое насиліе надъ чувствомъ, мыслью и волей человѣка являлось уже въ глазахъ Байрона преступленіемъ, и онъ горячо клеймилъ своимъ гнѣвнымъ словомъ угнетателей и поработителей.

Съ первыхъ же дней своего выступленія на арену общественной дѣятельности Байронъ осмѣлился бросить въ палатѣ лордовъ свой вызовъ старому англійскому обществу и сталъ на защиту народа.

Какъ извѣстно, въ Англіи въ 1812 году во многихъ мѣстахъ произошли фабричные бунты и рабочіе разрушили на многихъ фабрикахъ машины.

Правительство послало на мѣсто безпорядковъ войска, и въ палату лордовъ былъ внесенъ законопроектъ противъ рабочихъ. Ни одинъ голосъ не раздался въ защиту рабочихъ, и только начинавшій свою политическую карьеру Джоржъ Байронъ поднялся съ кресла и горячо критиковалъ законопроектъ.

Такая смѣлость дорого обошлась поэту. Англійское общество отвернулось отъ него, а вскорѣ на поэта посыпались насмѣшки, клеветы и сплетни; задѣвали личную жизнь Байрона, чернили и грязнили дорогихъ ему людей.

Все это оскорбляло самолюбіе поэта и заставляло его страдать. Какъ личность сильная, не признававшая никакихъ авторитетовъ, Байронъ находился въ постоянной враждѣ съ установившимися понятіями, и его враги росли съ каждымъ днемъ. Онъ чувствовалъ себя въ родной странѣ одинокимъ; его страданія выливались въ стихи, полные грусти.

Байронъ хорошо понималъ, за что его злословятъ, но онъ не хотѣлъ итти на уступки, онъ говоритъ о себѣ:

„Міръ не любя, любимъ я не былъ міромъ,
Его стремленьямъ грубымъ я не льстилъ.
Не поклонялся я его кумирамъ
И устъ моихъ улыбкой лести не кривилъ".

Гонимый и преслѣдуемый свѣтской злобой, Байронъ не былъ больше въ силахъ жить въ Англіи и 25 апрѣля 1816 года покинулъ ея берега.

Онъ направился въ Европу, думая на чужбинѣ найти покой своей измученной душѣ. Послѣ путешествія по Бельгіи и Швейцаріи Байронъ переѣхалъ въ Италію, гдѣ и рѣшилъ поселиться.

Однако въ Италіи онъ не могъ жить спокойно, безучастно и скоро вошелъ въ ряды тайныхъ обществъ карбонаріевъ, которые стремились къ возрожденію и объединенію Италіи.

Но отсталые и консервативные элементы общества и здѣсь возстали на свободолюбиваго поэта, и его стали также преслѣдовать и гнать изъ города въ городъ; только званіе англійскаго лорда и европейская слава знаменитаго поэта спасали его отъ высылки и тюрьмы.

Живя въ Италіи, Байронъ, однако, не весь отдался ей. Въ его душѣ жилъ постоянно образъ другой страны, влачившей въ его время тяжелое ярмо рабства.

Онъ съ юныхъ лѣтъ обращалъ свои взоры на Грецію, которая, вмѣстѣ съ другими народами Балканскаго полуострова, изнывали подъ гнетомъ турокъ.

Еще въ первое свое путешествіе въ Грецію и Албанію въ 1810 году Байронъ былъ пораженъ рабствомъ и жалкимъ существованіемъ этихъ нѣкогда свободолюбивыхъ народовъ.

Въ своемъ „паломничествѣ Чайльдъ-Гарольда" онъ посвятилъ многія строки угнетеннымъ странамъ и горячо протестовалъ противъ ихъ порабощенія.

„Албанія! отчизна Искандеровъ, удивлявшихъ подвигами свѣтъ, теперь ты дикій край..." говоритъ съ грустью Байронъ въ „Чайльдъ-Гарольдѣ"

Онъ мечтаетъ о возрожденіи этихъ странъ и страстно восклицаетъ:

„Когда Эпаминондъ родится новый?
Когда спартанцы встанутъ изъ могилъ?..
Эллада, прежней доблести могила,
Съ твоихъ дѣтей кто свергнетъ рабства гнетъ?"...

Мечтать объ освобожденіи Греціи не долго пришлось Байрону. Гнетъ былъ доведенъ до крайности, и горючій матеріалъ накопился въ достаточной мѣрѣ. Въ двадцатыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія въ Греціи начались частичныя вспышки противъ турецкаго населенія, а 1822—23 гг. эти вспышки вылились во всеобщее возстаніе.

Байронъ страстно слѣдилъ за всѣми перипетіями греческаго движенія, и уже съ самаго начала у него явилась мысль отправиться на помощь возставшему народу. Онъ чувствовалъ, что отъ поэтическаго заступничества на словахъ нужно перейти къ заступничеству на дѣлѣ.

Это рѣшеніе было ускорено прибытіемъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1823 года къ Байрону делегаціи отъ возставшихъ грековъ.

Делегаты разсказали Байрону о положеніи дѣлъ, о томъ, что турецкое правительство обезсилено и находится наканунѣ своей гибели.

Байронъ услыхалъ отъ делегатовъ, что среди вождей греческаго возстанія господствуютъ раздоры и несогласія. которые губятъ общее дѣло греческаго освобожденія.

Делегаты говорили поэту, что народъ всюду готовъ къ дружной борьбѣ, и Греціи недостаетъ только глубокоуважаемаго всѣми человѣка, который сталъ бы вождемъ и сплотилъ бы вокругъ себя весь народъ.

Такимъ вождемъ долженъ стать Байронъ, какъ человѣкъ, преданный Греціи. „Чье имя выше и величественнѣе пѣвца свободы, друга Греціи, звавшаго ее воспрянуть, когда она еще влачила свое рабство!"—закончили свою рѣчь делегаты.

Байронъ былъ глубоко разстроганъ этимъ обращеніемъ къ нему; онъ видѣлъ въ этомъ волю судьбы, отказываться отъ исполненія которой онъ не имѣлъ права.

Послѣ недолгаго колебанія, Байронъ принялъ приглашеніе, и поѣздка въ Грецію была рѣшена окончательно. Колебанія были отброшены, и поэтъ говорилъ себѣ:

„Что жъ, если ты вступить въ борьбу не можешь
За свой очагъ,—борись за своего сосѣда,
За Греціи права, за Рима блескъ былой...
Пусть ждетъ тебя иль смерть, или побѣда.
Кто можетъ за другихъ животъ свой положить,
Тотъ духомъ рыцарскимъ безспорно обладаетъ.
Не все ль равно, за чью свободу кровь пролить,
За чью свободу лавръ главу твою вѣнчаетъ?"...

Немедленно послѣ отъѣзда греческихъ делегатовъ начались быстрыя приготовленія. Байронъ послалъ въ Англію распоряженіе продать свое Ньюстэдское аббатство, хлопоталъ о продажѣ своихъ сочиненій, подбиралъ товарищей въ экспедицію и самъ распоряжался закупкой разныхъ припасовъ.

Наконецъ 16 іюля 1823 года Байронъ съ своими друзьями отплылъ изъ Генуи на бригѣ „Геркулесъ" къ берегамъ Греціи.

Въ августѣ мѣсяцѣ Байронъ былъ уже въ Греціи и рвался принять участіе въ живомъ дѣлѣ.

Однако, желая помогать только самому народу, Байронъ натолкнулся на борьбу партій и вражду вождей между собою. Поэтому Байронъ взялся за роль примирителя враждующихъ сторонъ, что ему отчасти и удалось сдѣлать. Кромѣ этого, онъ оказывалъ широкую денежную помощь повстанцамъ.

Наконецъ въ декабрѣ 1823 года Байрону удалось добиться временнаго соглашенія между партіями, и онъ отправился въ Мисолунги, откуда предполагалось начать кампанію противъ турокъ.

Первые шаги этой кампаніи были, однако, неудачны. Греческій корабль, на которомъ были отправлены въ Мисолунги припасы, важныя бумаги и большая сумма денегъ, собранныхъ Байрономъ, былъ захваченъ турками.

Самъ Байронъ въ небольшой баркѣ еле избѣжалъ такой же участи и только съ большими предосторожностями могъ попасть въ Мисолунги.

Въ Мисолунгахъ Байрона ожидала торжественная встрѣча. Глава греческихъ повстанцевъ, Маврокордато, съ старшинами вышли навстрѣчу Байрону, а многочисленныя войска и массы народа восторженно привѣтствовали Байрона какъ своего вождя.

Лордъ Байронъ въ періодъ пребыванія въ Греціи (въ національномъ албанскомъ костюмѣ).

Однако Байрону не суждено было стать боевымъ вождемъ грековъ. Мисолунги были страшны болотистой мѣстностью и ихъ климатъ вредно дѣйствовалъ на иностранцевъ. Скоро Байронъ заболѣлъ въ Мисолунгахъ изнурительной лихорадкой, которая истощила всѣ его силы и подорвала здоровье.

Живя зиму въ Мисолунгахъ, Байронъ дѣятельно готовился къ борьбѣ, разсылалъ въ Англію и другія страны воззванія о помощи и доставалъ деньги на содержаніе войска. Ему удалось устроить въ Англіи два займа для Греціи въ 2.800.000 фунтовъ стерлинговъ.

Однако здоровье его постепенно ухудшалось подъ вліяніемъ губительнаго климата; его друзья совѣтовали ему уѣхать хотя на время изъ Мисолунгъ и возстановить свое здоровье, но Байронъ „предпочиталъ умереть, дѣлая хоть что-нибудь, чѣмъ жить въ праздности".

Несмотря на свое нездоровье и неблагопріятныя условія, Байронъ видѣлъ, что онъ является здѣсь нужнымъ человѣкомъ. Онъ видѣлъ, какъ вокругъ него сплочиваются греки и какъ онъ благотворно дѣйствуетъ на нравы войска; кромѣ того, онъ сознавалъ, что онъ является главнымъ лицомъ, черезъ которое притекала денежная помощь.

Уѣхать изъ Мисолунгъ—значило снова поднять раздоры, посѣять въ рядахъ войска голодъ и нищету и обречь дѣло освобожденія Греціи если не на гибель, то на цѣлый рядъ неудачъ.

Ньюстэдское аббатство въ родовомъ имѣніи Байрона, гдѣ похоронено его тѣло.

Весной 1824 года было рѣшено начать военныя дѣйствія; на военномъ совѣтѣ было постановлено, что Байронъ во главѣ двухтысячнаго отряда пойдетъ на Лепанто и откроетъ такимъ образомъ кампанію. Къ веснѣ здоровье Байрона улучшилось.

Но въ это время Байронъ неожиданно получилъ отъ вождей восточной Греціи приглашеніе прибыть съ Маврокордато въ Салону, гдѣ долженъ былъ состояться съѣздъ представителей всей страны для примиренія партій и объединенія военныхъ дѣйствій.

Цѣль съѣзда была такъ важна, что выступленіе было отсрочено, и Байронъ сталъ собираться въ Салону.

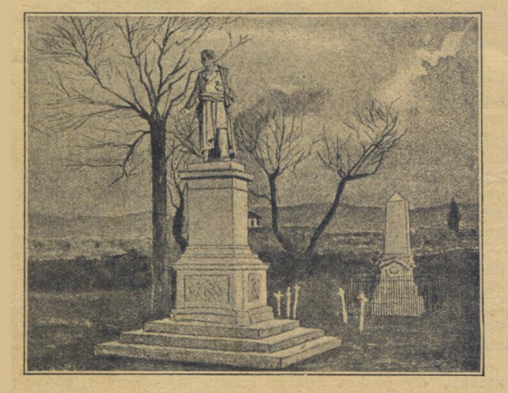
Однако этой поѣздкѣ не суждено было состояться, и Байрону не пришлось выполнить на національномъ собраніи миссію апостола греческаго объединенія.

Девятаго апрѣля 1824 г. онъ осматривалъ верхомъ на лошади боевыя позиціи подъ Мисолунгами. Шелъ проливной дождь. Байронъ промокъ насквозь и сильно простудился. Къ вечеру этого дня у него появился жаръ и начался бредъ.

Пролежавъ въ горячкѣ восемь дней, поэтъ началъ медленно угасать.

За день до своей смерти онъ сказалъ окружавшимъ его друзьямъ: „Я отдалъ Греціи мое время, мои деньги, здоровье; что я могу еще дать ей? Теперь отдаю свою жизнь“.

Наступило 19 апрѣля. Въ этотъ день была Пасха. По греческому обычаю, послѣ обѣдни должны были стрѣлять изъ пушекъ и ружей, но, чтобы не безпокоить больного, стрѣльба была отмѣнена, и первый день Пасхи проходилъ въ глубокомъ молчаніи.

Памятникъ Байрону въ Мисолунгахъ на томъ мѣстѣ, гдѣ погребено сердце поэта.

Байронъ весь день былъ въ забытьи и только около 6 часовъ вечера тихо сказалъ: „Теперь я засну“,—и съ этими словами скоро забылся вѣчнымъ сномъ.

Вѣсть о смерти Байрона быстро облетѣла Мисолунги и весь греческій лагерь. Глубокое горе овладѣло всѣми. Безъ всякаго приказа раздались всюду выстрѣлы въ честь умершаго вождя, а въ отвѣтъ на нихъ съ другой стороны залива, съ турецкихъ укрѣпленій, понеслись отвѣтные выстрѣлы. Тамъ поняли, что означали несвоевременные выстрѣлы въ Мисолунгахъ и обрадовались смерти врага.

Однако ихъ торжество было преждевременно; дѣло греческаго освобожденія двинулось уже далеко, и Греція скоро завоевала свою независимость.

Съ вѣрой въ счастливый исходъ предпринятой борьбы умеръ Байронъ, который ободрялъ возставшихъ грековъ и твердилъ имъ:

„Борьба святая, разъ народомъ начатая,
Хоть затихаетъ иногда,
Побѣдой кончится всегда...“

22 апрѣля въ маленькой церкви Мисолунгъ совершили обрядъ отпѣванья и безъ всякихъ торжествъ похоронили въ Мисолунгахъ сердце поэта, а его тѣло отправили въ далекую Англію.

Однако, благодаря стараніямъ враговъ Байрона, правительство отказало похоронить останки поэта въ Вестминстерскомъ аббатствѣ въ „Уголкѣ поэтовъ“, и тѣло Байрона было отвезено въ приходскую церковь его родового имѣнія Ньюстэда, въ стѣнахъ которой „вѣчный пилигримъ“ нашелъ свой послѣдній покой.

Такъ кончилась жизнь поэта, чаровавшаго всѣхъ своею смѣлой и свободолюбивой личностью, — поэта, недолгая жизнь котораго была похожа на увлекательную поэму, и заключительнымъ аккордомъ которой былъ крестовый походъ за свободу и человѣчность.

Надъ Адріанополемъ въ воздушномъ шарѣ.

Разсказъ Н. П. Мамонтова.

Полную тайны загадку представляетъ собой Адріанополь для каждаго, кто издали, съ занятыхъ болгарами высотъ, любуется роскошнымъ видомъ города, раскинувшагося при сліяніи рѣкъ Тунджа и Марицы.

На передовыхъ позиціяхъ порою тихо, такъ тихо, что не вѣрится въ то, что „Эдирне“ осажденъ, и что каждую минуту могутъ снова заговорить крѣпостныя и осадныя орудія, могутъ снова показаться въ густыхъ виноградникахъ около Марата красныя фески и вновь разгорится жаркая ружейная перестрѣлка.

Всему міру извѣстно, съ какою желѣзною выносливостью претерпѣваетъ гарнизонъ Адріанополя не только всѣ ужасы осады, но и спеціально для него изобрѣтенную господами дипломатами адскую пытку — пропускъ черезъ крѣпостную линію поѣздовъ съ провіантомъ, направляемыхъ къ болгарскимъ войскамъ подъ Чаталджу, — про-

Группа корреспондентовъ при болгарской арміи; Н. П. Мамонтовъ (*).

пускъ хлѣба мимо голодныхъ людей, подъ ихъ охраной отъ нападенія со стороны изголодавшагося городского населенія.

Хотите ли вы поближе познакомиться съ Эдирне?

Тогда позвольте мнѣ раскрыть мою записную книжку.

По бѣглымъ замѣткамъ я набросаю вамъ яркую картинку, полную незабываемыхъ ощущеній, — потому что съ начала войны рѣдко кому удавалось такъ близко видѣть осажденную крѣпость, какъ мнѣ.

Я видѣлъ Адріанополь съ воздушнаго шара, поднятаго на самыхъ передовыхъ позиціяхъ болгарскихъ войскъ для наблюденія за притаившимся противникомъ.

Теплый солнечный полдень. Вдали, за виноградниками, широко разбросавшимися по безчисленнымъ островамъ мутноводной Марицы, виднѣются тонкія иглы минаретовъ адріанопольскихъ мечетей.

Крѣпость молчитъ—молчатъ и батареи болгаръ и сербовъ, неразрывнымъ кольцомъ опоясавшія осажденный городъ.

Не слышно ни звука ни шелеста листьевъ въ потемнѣвшихъ дубовыхъ рощахъ по обѣ стороны шоссе, ведущаго въ Адріанополь изъ Мустафа-паши. Только копыта коня выбиваютъ дробь по отлично укатанному грунту.

Кажется, что я ѣду по совершенно мирной странѣ — такъ обманчиво-тихо вокругъ.

Но путь преграждаютъ окопы резервовъ, и суровый часовой спрашиваетъ у меня пропускъ.

Показываю офиціальное разрѣшеніе и получаю право ѣхать, куда мнѣ угодно.

Безъ особаго пропуска никто не можетъ быть пропущенъ въ районъ войскъ.

Пора сворачивать влѣво, къ сѣверу, въ объѣздъ передовыхъ позицій, окружающихъ городъ, и выдвинутые далеко впередъ его форты и батареи.

Прекрасное шоссе сразу смѣняется отвратительной грязной тропой, изрытой глубокими колеями—слѣдами привезенныхъ на десяткахъ буйволовъ по пахоти тяжелыхъ осадныхъ орудій.

«Побѣдители». Раненые и больные болгарскіе солдаты.

Перевалъ за переваломъ — скользкіе, вязкіе, утомительные. Въѣзжаю на одинъ изъ нихъ, чтобы хоть какъ-нибудь оріентироваться, и, къ моей искренней радости, нахожу шагахъ въ трехстахъ внизу, въ лощинѣ, спустившійся къ землѣ сферическій аэростатъ—цѣль моей сегодняшней поѣздки.

Человѣкъ сорокъ солдатъ удерживаютъ его на лямкахъ, не безъ комфорта расположившись на зеленой полянкѣ; неподалеку привязанъ къ вбитымъ въ землю кольямъ запасный газгольдеръ, служащій для пополненія газа въ аэростатѣ, стоитъ двуколка и около нея два офицера просматриваютъ на свѣтъ только что изготовленные негативы.

Болгарскій военный аэростатъ «Софиа».

Спускаюсь съ холма, подъѣзжаю и отдаю лошадь солдатамъ.

— А я вамъ письма привезъ изъ Мустафы, радуйтесь!

— Благодарю,—крѣпко жметъ мнѣ руку капитанъ Казанджіевъ, отлично говорящій по-русски и прошедшій курсъ нашей воздухоплавательной школы въ Петербургѣ.

— А я все фотографіей занимаюсь, — подходитъ ко мнѣ помощникъ Казанджіева, призванный изъ запаса поручикъ, владѣлецъ одной изъ лучшихъ фотографій въ Софіи.

Мнѣ показываютъ снятые сегодня негативы съ видомъ Адріанополя съ птичьяго полета.

— Хотите подняться со мною на аэростатѣ?

— Еще бы. Я для этого только и пріѣхалъ къ вамъ сюда, въ такую даль.

— Пройдемте къ шару.

Подсаживаемый солдатами, я перелѣзаю черезъ высокій бортъ плетеной изъ камыша корзины и поудобнѣе усаживаюсь на скамеечкѣ. Все дно корзины завалено мѣшками съ пескомъ. Казанджіевъ выбрасываетъ половину балласта и очищаетъ себѣ мѣсто.

— На пояса! Приготовься къ подъему!

Корзина тихо отдѣляется отъ земли.

— Отдавай!

Ни малѣйшаго толчка. Плавно, медленно поднимается шаръ надъ лощиной.

Я смотрю на часы—безъ четверти два.

Земля понемногу опускается подъ нами, словно провали-

ваясь внизъ, а шаръ какъ будто стоитъ неподвижно на мѣстѣ.

Вотъ приплюснулся первый перевалъ, только что казавшійся крутымъ и высокимъ, и открылась долина съ разбросанными по ней биваками восьмой болгарской дивизіи и рядами коновязей; вотъ мало-по-малу сгладились очертанія окрестныхъ холмовъ, блеснули на яркомъ солнцѣ воды Марицы, испещренныя желтыми отмелями.

Еще нѣсколько минутъ—и узкая, извилистая лента рѣки Тунджи связалась съ Марицей, а справа засеребрилась полноводная Арда.

Муравьями закопошились внизу карикатурно-маленькіе пигмеи, стараясь удержать на лямкахъ блокъ привязаннаго къ лебедкѣ каната; какъ на чертежѣ, въ идеально правильной проекціи стали видны сверху брошенные турками редуты и прекрасно маскированныя осадныя батареи. Игрушечныя пушки—на дѣлѣ гигантскія орудія—выглядывали своими дулами изъ-подъ блиндажей, крытыхъ гофрированнымъ желѣзомъ.

Въ пяти-шести верстахъ впереди, окруженный зеленою сѣтью виноградниковъ, Адріанополь занялъ всю долину при сліяніи Тунджи и Марицы.

Невооруженнымъ глазомъ отчетливо можно было разобраться въ морѣ багряно-черепичныхъ кровель, бѣлоснѣжныхъ стрѣльчатыхъ минаретовъ и вдвинувшихся въ узкіе и кривые городскіе переулки тяжелыхъ куполахъ мечетей, сверху похожихъ на щиты гигантскихъ черепахъ.

И надъ всѣмъ этимъ хаосомъ горделиво царили выложенные бирюзовою майоликой стройные красавцы минареты джаміи султана Селима, одной изъ великолѣпнѣйшихъ мечетей Оттоманской имперіи.

Очаровательная, рѣдкая по величію, панорама и глубокое безмолвіе, словно отдыхающихъ отъ непрерывной перестрѣлки батарей, невольно заставляли позабыть о войнѣ, и только предложенный капитаномъ бинокль напомнилъ мнѣ о настоящей цѣли подъема надъ осажденнымъ городомъ.

Съ высоты около 500 метровъ ясно были видны турецкіе форты Айналы, Хедерлыкъ, Ховарасъ и разбросанныя между ними батареи и редуты западнаго фронта.

Капитанъ извлекъ изъ придѣланнаго къ борту корзины кармана подробную карту Адріанополя, съ масштабомъ двѣсти саженъ въ дюймѣ, раздѣленную на квадраты.

— Эту прекрасную и вполнѣ точную карту мы купили наканунѣ объявленія войны у германскаго офицера, бывшаго инструктора въ Адріанополѣ. На ней показаны не только всѣ форты и батареи, но и число орудій на нихъ. Эту карту наше военное министерство тотчасъ же приказало отпечатать и раздать по войскамъ. — Только при ея помощи мы и можемъ успѣшно направлять стрѣльбу нашихъ осадныхъ батарей и указывать имъ выгодныя цѣли.— Стоитъ мнѣ увидѣть отсюда колонну на походѣ, открыто стоящій бивакъ или батарею, и я по телефону, придѣланному къ корзинѣ, передаю начальнику осадной артиллеріи.— Въ квадратѣ Н—23 турецкія войска. И тотчасъ на этотъ квадратъ, всѣмъ извѣстный по картѣ, направляется сосредоточенный огонь осадныхъ батарей, буквально засыпающій снарядами всю его площадь.

— А въ Адріанополѣ нѣтъ аэростатовъ?

— Нѣтъ, ни одного. Турки не ожидали войны и никакъ не предполагали, что мы въ одну недѣлю окружимъ Адріанополь и перервемъ всякое съ нимъ сообщеніе. У нихъ оказались несобранными даже запасы продовольствія, а артиллерійскіе припасы стали посылаться въ самую послѣднюю минуту и часть ихъ попала въ наши руки.

Около получаса мы пробыли на высотѣ въ полкилометра, и ни одного выстрѣла не было сдѣлано ни съ той ни съ другой стороны.

— Это вамъ не везетъ,—замѣтилъ Казанджіевъ.—Вчера весь день была стрѣльба, пускали шрапнели и по моему шару, да безрезультатно. Только одного изъ солдатиковъ ранило шрапнельной пулею.

Видъ осажденнаго Адріанополя съ птичьяго полета; въ центрѣ—знаменитая мечеть султана Селима II.

вѣдь иностранные пароходы сейчасъ задерживаютъ — въ Италіи холера.

Мы покачали головами.

На греческомъ пароходѣ.

Въ тотъ же вечеръ мы водворились на палубѣ маленькаго ...ческаго паро-...вшаго ...чіе ...ъ

Патрасъ. Греческая тюрьма.

Поѣздъ изъ Патраса въ Олимпію уходитъ въ 7 часовъ. Пароходъ нашъ долженъ былъ прійти въ Патрасъ въ 5, а пришелъ въ половинѣ восьмого. Опечаленныя, мы спускались на молъ. Но носильщикъ сказалъ намъ, что поѣздъ еще не ушелъ и, взваливъ наши вещи на какую-то телѣжку (извозчиковъ тутъ не имѣлось), бѣгомъ направился къ вокзалу. Мы находились всего, должно-быть, въ 100 саженяхъ отъ вокзала и видѣли впереди рядъ вагоновъ, когда раздался свистокъ и поѣздъ двинулся. Носильщикъ издалъ какой-то нечленораздѣльный крикъ, должно-быть, выругался, а мы печально постояли на мѣстѣ и шагомъ поплелись дальше.

Подошли къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ поѣздъ, — рельсы проложены прямо посреди улицы. Ни перрона ни какихъ-либо признаковъ желѣзнодорожной станціи, какія имѣются у насъ даже на самыхъ жалкихъ дачныхъ платформахъ. ...ротивъ начала рельсъ, въ рядъ съ другими домами,—боль-... сарай съ открытыми воротами. Оказывается, это стан-...е зданіе.

...ъ. По бокамъ сарая—кассы и другія станціонныя ... и стоятъ скамьи, на которыхъ публика мо-... поѣзда. Мы отыскали начальника станціи. ...чень любезнымъ старикомъ и говорящимъ ...сочувствовалъ намъ въ нашей неудачѣ, ... нѣсколько русскихъ словъ, а именно ... сообщилъ, что слѣдующій поѣздъ ...омъ.

...овательно, цѣлый день оставаться ... есть ли въ городѣ что-нибудь ...о бы осмотрѣть. Въ отвѣтъ ...нашего вопроса, раз...

По телефону было отдано приказаніе подтянуть шаръ, и мы стали плавно приближаться къ землѣ.

Черезъ пять—шесть минутъ корзина тихо опустилась на лужайку.

— Сердечно васъ благодарю,—пожалъ я руку капитану.

— Не за что, — отвѣчалъ онъ. — Я русскій ученикъ, аэростатъ „Софія“ мною лично построенъ по русскому образцу, онъ даже крытъ лакомъ по рецепту полковника Ю. Н. Германа, вашего извѣстнаго воздухоплавателя. Кстати, его лакъ такъ хорошъ, что въ теченіе семи сутокъ непрерывныхъ подъемовъ мнѣ еще ни разу не пришлось пополнять шаръ изъ запаснаго газгольдера.

Распрощавшись съ любезнымъ капитаномъ, я поспѣшилъ до темноты возвратиться обратно въ Мустафа-пашу, главную квартиру арміи, осаждающей Адріанополь. Вѣрнѣе, не осаждающей, а блокирующей его, въ ожиданіи, когда истощенный голодомъ и изнуренный болѣзнями гарнизонъ вынужденъ будетъ, не видя ниоткуда помощи, сдать многострадальный Эдирне.

острова,—послѣ этой неудачной прогулки, повторяю, мы рѣшили уѣхать.

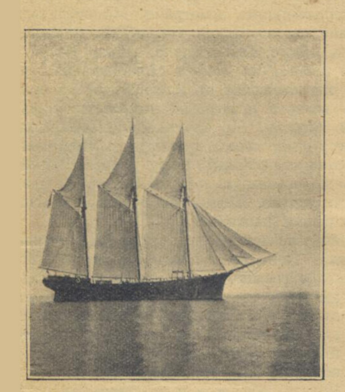
Обыкновенно, уѣхать изъ какого-нибудь культурнаго мѣста не представляетъ большой трудности: пошелъ въ кассу желѣзной дороги или въ пароходное агентство, взялъ билетъ, сѣлъ въ вагонъ или на пароходъ и уѣхалъ. Но уѣхать изъ Корфу оказалось не такъ просто.

Намъ нужно было ѣхать въ Патрасъ. Справившись съ расписаніем[...] пароходовъ, мы от[...] ство [...] как[...] б[...]

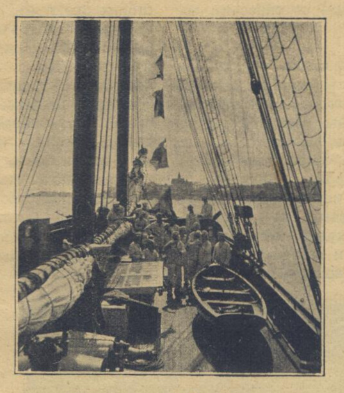

МОРСКАЯ ЭКСКУРСІЯ НА ШКУНѢ «УТРО» ПО БАЛТІЙСКОМУ МОРЮ,

организованная для учащихся Лигой обновленія флота, лѣтомъ 1912 г.

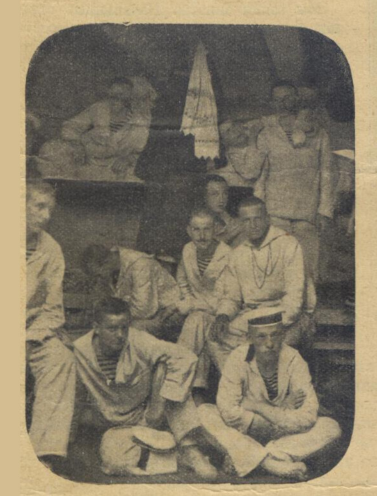
Шкуна «Утро» подъ парусами.

Сигнализація флагами.

Шкуна «Утро» на якорѣ.

Экскурсанты на жилой палубѣ.

Группа экскурсантовъ на верхней палубѣ во главѣ съ руководителемъ, капитаномъ Филипченко.

Спускъ шлюпки на воду.

Послѣобѣденный отдыхъ на палубѣ.

впередъ и открылъ дверь. Мы съ изумленіемъ остановились: въ башнѣ было устроено нѣчто въ родѣ комнаты и тамъ сидѣли солдаты.

„American"!—заявилъ громогласно мальчишка.

Къ намъ тотчасъ подошелъ офицеръ и спросилъ по-французски, что намъ угодно.

— Можно ли осмотрѣть крѣпость?

Офицеръ кивнулъ головой и сказалъ что-то одному изъ солдатъ, тотъ взялъ ружье и пошелъ впередъ. Мы за нимъ. Открылъ дверь внутри башни; по узенькой лѣсенкѣ вверхъ. Еще дверь. Вышли на стѣны. Солдатъ вдругъ остановился и, ударивъ ружье о полъ, насадилъ на него штыкъ. Мы было попятились невольно, но все-таки вышли на стѣну и увидали картину, которой совершенно не ожидали: внизу, подъ стѣной, во внутреннемъ дворѣ замка, толпились какіе-то люди, одѣтые въ штатское, но страннаго вида, большей частью худые, обтрепанные. На стѣнѣ, окружавшей дворъ, ходили и стояли часовые съ ружьями. Въ противоположномъ отъ насъ концѣ двора—полуразрушенное низкое зданіе, должно-быть, остатки прежнихъ построекъ. Оказалось, что мы попали въ тюрьму, которую практичные греки устроили въ развалинахъ старой генуэзской крѣпости, справедливо разсуждая, что древнія стѣны, хотя и полуразвалившіяся, крѣпче новыхъ, да и строить ихъ не надо.

Изъ греческихъ обычаевъ. Религіозная церемонія обрученія дѣтей, которыя впослѣдствіи станутъ мужемъ и женой.

Мы нерѣшительно пошли вдоль стѣнъ. Внизу всѣ арестанты подняли головы, слѣдя за нашими движеніями, что-то кричали, махали руками, стали бросать на стѣну намъ на дорогу рѣзные перочинные ножички, ручки, еще какіе-то предметы своего издѣлія. Мы подняли одинъ перочинный ножикъ и бросили внизъ франкъ. Одинъ изъ арестантовъ съ жадностью схватилъ его. Остальныя вещи солдаты сбрасывали обратно внизъ. Мы ужъ не стали смотрѣть вида съ башенъ и пошли назадъ.

Внизу мальчишка, шедшій за нами изъ города, ждалъ насъ и опять отправился за нами. Онъ, очевидно, счелъ себя нашимъ проводникомъ и сталъ требовать отъ насъ „лепта" [1]). Мы дали ему нѣсколько мѣдныхъ монетъ. Но онъ не удовлетворился и снова требовалъ „лепта". Ни „баста" (по-итальянски довольно) ни „alles vous en" на него не дѣйствовали. Наконецъ, разсердившись, я крикнула „пошелъ вонъ". Странно, но это подѣйствовало, и мальчишка отсталъ. Удивительная вещь: со мной очень часто случалось, что, истративъ запасъ словъ на всѣхъ знакомыхъ иностранныхъ языкахъ, я прибѣгала къ выразительной русской рѣчи,—и меня всегда понимали.

Тюрьма произвела на насъ непріятное впечатлѣніе и отбила охоту къ дальнѣйшимъ осмотрамъ. Мы вернулись въ городъ; пообѣдали въ англійской гостиницѣ. Дѣваться было некуда, дѣлать нечего. Было жарко, душно. На улицахъ ни души. Мы прошли на молъ и сѣли тамъ на ступенькахъ лѣсенки, опускающейся къ морю. Внизу на прибрежныхъ камняхъ возился полуголый, черномазый мальчишка, разыскивая крабовъ. На лодкахъ, причаленныхъ къ молу, спали загорѣлые, ободранные греки. Обтрепанный носильщикъ, сидя на лѣстницѣ внизу у мола, лѣниво перебранивался съ полусоннымъ лодочникомъ. Море едва дышало, словно тоже уснуло. Только мы печально сидѣли и смотрѣли на это сонное царство.

Наконецъ приблизился часъ ухода поѣзда. Мы прошли въ станціонный сарай. Тамъ на лавкахъ сидѣло въ ожиданіи поѣзда нѣсколько грековъ, среди нихъ одинъ священникъ въ высокой, прямой шапкѣ съ валикомъ наверху, въ длинной черной рясѣ на лиловой подкладкѣ и съ высокой плетеной корзиной въ рукахъ. Нѣсколько поселянъ въ забавныхъ коротенькихъ бѣлыхъ юбочкахъ и круглыхъ черныхъ шапочкахъ съ длинными кистями.

Мы взяли билеты. Начальникъ станціи освѣдомился, хорошо ли мы пообѣдали, и пожелалъ счастливаго пути. Откуда-то изъ-за города появился поѣздъ и остановился среди улицы. И паровозъ, и вагоны маленькіе, точно игрушечные. Вагоны безъ коридоровъ со сквозными купэ,—тѣсные и грязные. Купэ отдѣлены другъ отъ друга невысокими перегородками. Въ поѣздѣ всего вагоновъ 4—5.

Мы сѣли.

Кромѣ насъ въ вагонѣ ѣхалъ священникъ и двое грековъ. Священникъ и одинъ изъ грековъ скоро сошли. Другой, сидя у окна, уныло тянулъ однообразную пѣсню.

Поѣздъ шелъ съ утомительной медленностью, останавливаясь каждыя 5—10 минутъ даже на маленькихъ станціяхъ. На одной изъ станцій въ пустое купэ вошелъ какой-то человѣкъ въ заплатанномъ пальто и форменной фуражкѣ съ большимъ пакетомъ бумагъ и писемъ подъ мышкой. Онъ расположился въ купэ и сталъ раскладывать на диванахъ письма по пачкамъ.

Оказалось, что это почтовый чиновникъ. Въ поѣздѣ не было почтоваго вагона, и чиновникъ садился въ тотъ, въ которомъ было больше свободнаго мѣста и тамъ занимался почтовыми операціями.

На слѣдующей станціи, когда поѣздъ уже тронулся, на подножку купэ, гдѣ сидѣлъ почтальонъ, вскочилъ какой-то оборванецъ и, дружелюбно побесѣдовавъ съ нимъ нѣкоторое время, передалъ ему несвязанную пачку писемъ и на ходу соскочилъ съ поѣзда. Совсѣмъ просто обращаются здѣсь и съ поѣздами и съ почтой. Удивительно только, какъ при этомъ способѣ передачи письма все-таки доходятъ по назначенію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Лепта—мелкая греческая монета приблизительно наша копейка.

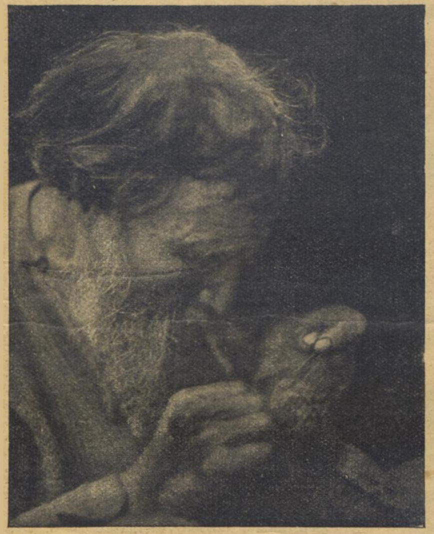
ИСТОРІЯ КУРЕНІЯ ТАБАКУ.

Культурно-историческій очеркъ Н. Л.

Въ настоящее время куреніе табаку такъ распространилось въ обществѣ и сдѣлалось такимъ обычнымъ явленіемъ, что рѣдко кому-нибудь приходитъ въ голову вопросъ о томъ, какова же исторія табака, какимъ образомъ возникла привычка куренія и давно ли эта привычка укоренилась у людей?

Большинство курильщиковъ думаютъ, что куреніе табаку существуетъ среди людей съ глубокой древности, но на самомъ дѣлѣ куреніе табаку насчитываетъ только лѣтъ четыреста.

До открытія Америки европейцы совершенно не были знакомы съ табакомъ, и когда 14 октября 1492 года небольшой флотъ Христофора Колумба присталъ къ острову Санъ-Сальвадору, то Колумбъ и его спутники были сильно удивлены тѣмъ, что краснокожіе выпускали цѣлые клубы дыма изо рта и изъ носа; какъ оказалось впослѣдствіи — жители курили табакъ.

Махорочка. *Фотоэтюдъ С. А. Лобовикова.*

Другіе путешественники, посѣщавшіе послѣ Колумба американскія страны, также поражались этимъ зрѣлищемъ, и одинъ изъ нихъ, итальянецъ Бензони, писалъ въ свое время, что дымъ изо рта индѣйцевъ выходитъ потому, что они скатываютъ трубочкой листъ какого-то растенія, высушиваютъ эту трубочку и затѣмъ одинъ конецъ трубочки зажигаютъ, а другой берутъ въ ротъ и втягиваютъ въ себя дымъ. Такой свертокъ индѣйцы называли „табако".

Однако индѣйцы курили „табако" только по праздникамъ, съ цѣлью привести себя въ состояніе одурѣнія и опьянѣнія; они курили до тѣхъ поръ, пока не впадали въ безпамятство и въ сонное состояніе.

Видѣнныя во снѣ галлюцинаціи индѣйцы принимали за вѣсти съ того свѣта и раскавывали европейцамъ, что послѣ куренія „табако" съ ними ведетъ бесѣды самъ „Великій Духъ".

Все это заставило европейцевъ заинтересоваться чудесной травой, и скоро многіе европейцы, пожившіе въ Америкѣ, пріобрѣли привычку куренія табаку.

Испанскій путешественникъ, Гонзало-де-Овіего, много лѣтъ прожившій въ Америкѣ, первый вывезъ табачныя сѣмена изъ Америки въ Европу.

Первое время табакъ цѣнился въ Европѣ исключительно за свои цвѣты, затѣмъ его листья стали употребляться въ медицинѣ.

Но въ половинѣ шестнадцатаго вѣка въ Испаніи и Португаліи распространилось уже куреніе табаку, главнымъ образомъ, среди моряковъ, вернувшихся изъ Америки.

Изъ Испаніи и Португаліи эта странная привычка, усвоенная отъ дикихъ индѣйцевъ и неизвѣстная до этого времени ни одному европейскому народу, распространилась по всей Европѣ.

Первое время куреніе табаку вызывало большое удивленіе, и курильщиковъ высмѣивали. Курильщики считали также куреніе за порокъ и поэтому старались курить тайно, стыдясь показать свою слабость передъ людьми.

Когда куреніе табаку стало распространяться во всѣхъ слояхъ общества, то многія правительства, въ особенности духовенство, предприняли строгія мѣры противъ табаку.

Такъ, напримѣръ, султанъ турецкій Амуратъ IX издалъ въ 1625 г. приказъ, согласно которому виновныхъ въ куреніи табаку водили по улицамъ съ петлей на шеѣ, а затѣмъ казнили и отрубленныя головы казненныхъ выставляли съ трубками въ зубахъ на базарныхъ площадяхъ для устрашенія.

Однако никакія мѣры строгости были не въ силахъ остановить куреніе и мало-по-малу всѣ правительства допустили свободу куренія, найдя въ табакѣ новый источникъ дохода для казны, т.-е. обложивъ табакъ пошлинами и налогами.

Въ Россіи табакъ впервые былъ привезенъ англичанами, въ концѣ шестнадцатаго столѣтія. Русское правительство и духовенство первое время было такъ же враждебно настроено по отношенію къ табаку, какъ и католическое духовенство и европейскія правительства.

Такъ, царь Михаилъ Өедоровичъ издалъ въ 1634 г. слѣдующій указъ: „На Москвѣ и въ городахъ о табакѣ заказъ учинить крѣпкій подъ смертною казнью, чтобъ нигдѣ табакъ у себя не держали и не пили и табакомъ не торговали... И за то тѣмъ людямъ чинити наказанье большое безъ пощады подъ смертною казнью, а дворы ихъ и животы имая, продавати и деньги имати въ государеву казну".

Царь Алексѣй Михайловичъ въ Уложеніи 1649 г. подтвердилъ этотъ указъ своего отца и подробно разъяснилъ какъ слѣдуетъ „имати", „пытати" и „наказывати курильщиковъ.

Куреніе, или какъ тогда называли, „питіе" табака преслѣдовалось не только потому, что считалось богомерзкимъ дѣломъ, но также и потому, что вслѣдствіе дороговизны табаку „люди пропиваются хуже вина".

По Уложенію 1649 г. велѣно пытать всѣхъ, у кого „объявится" табакъ, бить ихъ кнутомъ на козлѣ на базарныхъ площадяхъ до тѣхъ поръ, пока не скажутъ, откуда получилъ табакъ. У торговцевъ же табакомъ велѣно было „пороть ноздри и носы рѣзать", а послѣ этого „ссылать въ дальние города, гдѣ государь укажетъ, чтобы, на то смотря, инымъ такъ неповадно было дѣлать".

Несмотря, однако, на такія строгія мѣры противъ куренія, табакъ распространялся въ Россіи и, чтобы изгнать его совсѣмъ, царь Алексѣй Михайловичъ запретилъ ввозъ табаку въ предѣлы Московскаго царства.

Курильщикъ. *Съ картины Адріана Броуэра. (Луврскій музей).*

Но англійскіе табачные торговцы подкупили Архангельскаго воеводу, и табакъ въ большомъ количествѣ провозился тайно черезъ Архангельскъ.

Петръ Великій, самъ курившій табакъ, уничтожилъ въ 1697 году всѣ прежнія запрещенія по отношенію къ табаку и позволилъ всѣмъ свободно курить и торговать табакомъ съ уплатою пошлины и акциза въ казну. Послѣ этого табакъ быстро распространился въ Россіи, и въ наше время „некурящіе" люди составляютъ исключеніе.

Въ силу какихъ же своихъ свойствъ такъ широко распространился табакъ? Почему къ его куренію такъ часто прибѣгаютъ люди?

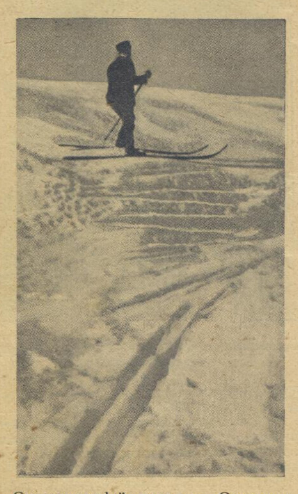
Большинство курильщиковъ на вопросъ о томъ, зачѣмъ они курятъ, обыкновенно отвѣчаютъ, что курятъ потому, что это вошло въ ихъ привычку. Другіе отвѣчаютъ, что куреніе возбуждаетъ ихъ, поднимаетъ энергію и т. п.

Испанская сигарета. *Съ картины Джіованна Сила.*

Современный спортъ.

Нѣкоторые пріемы лыжнаго спорта.

Ступенчатый подъемъ. Ступени образуются одна за другой по мѣрѣ того, какъ лыжникъ поднимается кверху, выбравъ для подъема мѣсто ската подъ такимъ угломъ, гдѣ представляется минимумъ шансовъ соскользнуть внизъ.

Подъемъ по крутому снѣжному склону. Въ такихъ случаяхъ приходится подниматься съ помощью двухъ палокъ. Лыжи постоянно скользятъ назадъ, и лыжнику приходится напрягать всѣ силы, чтобъ, крѣпко упираясь пятками, подвигаться впередъ.

Легкій спускъ. Спускъ вообще легче, чѣмъ подъемъ; но тутъ лыжнику приходится заботиться о сохраненіи равновѣсія, то откидываясь назадъ, то наклоняясь впередъ и присѣдая. Лыжникъ стремительно несется впередъ, и надо зорко наблюдать за положеніемъ своего тѣла.

Подъемъ зигзагами. Этотъ пріемъ употребляется для того, чтобы пройти черезъ промоины, образованныя ручьями въ рыхломъ снѣгу при ростепели. При такомъ зигзагообразномъ подъемѣ надо сильно нажимать лыжи. Такой подъемъ — трудная работа для лыжника.

Однако за послѣднее время очень многіе ученые физіологи занялись выясненіемъ того вліянія, какое оказываетъ табакъ на человѣческій организмъ.

Всѣ изслѣдователи пришли къ заключенію, что содержащійся въ табакѣ ядъ—никотинъ, отравляетъ нашу кровь, парализуетъ нервные центры, уменьшаетъ жизненную силу организма, дѣлаетъ его болѣе вялымъ и менѣе способнымъ къ борьбѣ съ различными болѣзнями.

Кромѣ этого, другія наблюденія даютъ возможность сказать, что куреніе табаку вызываетъ сердцебіеніе, парализуетъ дѣятельность мозга, ослабляетъ зрѣніе и замедляетъ пищевареніе.

Въ виду такихъ отрицательныхъ дѣйствій табака на человѣка теперь во многихъ странахъ стали основываться общества и лиги для борьбы съ табакомъ. Въ настоящее время въ Англіи существуетъ British Anti-Tabako Society, а во Франціи—Société contre l'abus de tabac. Подобныя же общества существуютъ въ Швеціи и въ другихъ странахъ. Кромѣ этого, среди молодежи многихъ европейскихъ странъ также существуютъ лиги противъ куренія табаку и число членовъ этихъ лигъ ежегодно растетъ.

Надо надѣяться, что люди, наконецъ, сознаютъ, что куреніе табаку является вредной привычкой, и поэтому они, какъ разумныя существа, постараются избавиться отъ этого „одурманивающаго" средства, заимствованнаго у дикихъ индѣйцевъ.

Что такое время и чѣмъ оно измѣряется.

Очеркъ С. Ленкевича.

Природа и человѣкъ связаны извѣстной зависимостью другъ съ другомъ; зависимость эта рѣдко обнаруживается въ томъ процессѣ, который мы называемъ познаніемъ, благодаря которому мы получаемъ ощущенія отъ окружающей насъ природы, т.-е. видимъ предметы, слышимъ звуки и такъ далѣе. Впечатлѣнія эти непрерывно смѣняютъ другъ друга въ нашемъ сознаніи; они образуютъ рядъ моментовъ, составляющихъ нашу внутреннюю, духовную жизнь. Суть дѣла, однако, не въ этомъ. Главный интересъ состоитъ въ томъ, что полученіе нами каждаго ощущенія совершается не мгновенно, а въ теченіе нѣкотораго промежутка времени, конечно, весьма ничтожнаго; поэтому, когда говорятъ: „Мы увидѣли такой-то предметъ" или „Мы услышали такой-то звукъ", то этимъ выражается тотъ именно фактъ, что данный предметъ, данный звукъ отпечатлѣлись въ нашемъ мозгу, но не мгновенно, а лишь по прошествіи нѣкотораго времени. Иначе говоря, въ процессѣ полученія каждаго ощущенія имѣетъ мѣсто передача, и, какъ таковая, она совершается въ извѣстный промежутокъ времени; этотъ послѣдній равенъ всего лишь $^1/_6$—$^1/_{10}$ секунды, почему намъ и кажется, что ощущенія получаются нами мгновенно.

Наша духовная жизнь, какъ было только что сказано, состоитъ въ непрерывной смѣнѣ такихъ представленій. Степень быстроты, съ которой происходитъ эта смѣна, зависитъ, конечно, отъ той быстроты, съ которой мы получаемъ отдѣльныя представленія ($^1/_6$ — $^1/_{10}$ сек.). Отсюда слѣдуетъ, что если время, нужное на передачу ощущенія, уменьшится, то теченіе представленій ускорится, т.-е. темпъ душевной жизни станетъ быстрѣе. Допустимъ, напримѣръ, что время, необходимое для полученія ощущенія, уменьшится въ 1.000 разъ; тогда, разумѣется, теченіе представленій станетъ чрезвычайно быстрымъ, и настолько, что на протяженіи 30 дней человѣкъ получилъ бы столько же ощущеній, сколько онъ теперь получаетъ на протяженіи цѣлыхъ 80 лѣтъ. Допустимъ затѣмъ, наоборотъ, что время, потребное на передачу ощущенія, не уменьшилось, а увеличилось въ 1.000 разъ; въ такомъ слу-

ПОЭТЪ-СТРАДАЛЕЦЪ.

Къ 75-лѣтію со дня смерти А. И. Полежаева († 16 января 1838).

Нѣкогда прославленный, а нынѣ забытый поэтъ,—поэтъ тоски и отчаянія, поэтъ, жестоко обиженный мачехой-судьбой, поэтъ-страдалецъ—таковъ образъ Полежаева, ибо человѣкъ и поэтъ составляли въ немъ не только одно тѣло, но и одну душу.

И я жилъ, но я жилъ
На погибель свою,
Буйной жизнью убилъ
Я надежду мою...
Не расцвѣлъ—и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней;
Что любилъ, въ томъ нашелъ
Гибель жизни моей,—

такъ говорилъ о себѣ Полежаевъ,—и глубоко ошибся бы тотъ, кто подумалъ, что подобное выраженіе чувствъ—голосъ искусственнаго настроенія. Нѣтъ, Полежаевъ дѣйствительно «не расцвѣлъ—и отцвѣлъ въ утрѣ пасмурныхъ дней», а если что-либо и поддерживало его на волнахъ моря житейскаго, такъ это единственно его сила духа, его крѣпкое, какъ сталь, мужество...

Въ 1826 г. въ «Вѣстникѣ Европы» было напечатано стихотвореніе, написанное студентомъ Полежаевымъ. Литературныя занятія будущаго поэта обратили на себя вниманіе университетскаго начальства,—и Полежаеву предложили написать оду для университетскаго акта; ода называлась—«въ память благоволеній Александра I Московскому у-ту». Приблизительно въ то же время онъ написалъ шуточную поэму *«Сашка»*, въ которой изобразилъ студенческій разгулъ того времени: попойки, похожденія и прочее въ томъ же родѣ. Были тутъ и стихи, порицающіе общественный строй Россіи, были, наконецъ, и такіе, гдѣ авторъ неуважительно отзывался о религіи. Поэма попалась въ руки начальства,—и Полежаеву пришлось очень плохо: усмотрѣвъ въ поэмѣ наличность стиховъ политическаго характера, начальство, не долго думая, представило ее... государю Николаю Павловичу. Государь прибылъ въ это время въ Москву на коронацію. Ознакомившись съ поэмой, онъ велѣлъ привести къ себѣ поэта. Полежаевъ очутился въ кабинетѣ императора. Послѣдній разговаривалъ въ это время съ министромъ народнаго просвѣщенія Шишковымъ.

— Читай эту тетрадь вслухъ!—сказалъ государь, обращаясь къ Полежаеву и при этомъ передалъ ему тетрадь: послѣдняя содержала произведеніе поэта, четко переписанное.

Собравшись съ силами, поэтъ прочелъ вслухъ свою злополучную поэму. Во время чтенія, въ мѣстахъ особенно рѣзкихъ, государь дѣлалъ знакъ рукой министру. Послѣдній закрывалъ глаза отъ ужаса...

— Что скажете?—спросилъ государь министра по окончаніи чтенія.— Я положу предѣлъ этому разврату; это все еще слѣды, послѣдніе остатки (т.-е., броженія, вызвавшаго заговоръ декабристовъ). Я ихъ искореню. Какого онъ поведенія?

— Превосходнѣйшаго,— отвѣтилъ министръ (хотя онъ и не зналъ, какого поведенія Полежаевъ).

— Этотъ отвѣтъ тебя спасъ,— сказалъ государь,—но наказать тебя должно для примѣра другимъ,—а затѣмъ добавилъ:—Я тебѣ даю военною службою средство очиститься... отъ тебя зависитъ твоя судьба. Если я забуду, то можешь мнѣ написать.

Послѣ этого Александра Ивановича сдали въ военную службу, сдѣлали унтеръ-офицеромъ и въ этомъ чинѣ заставили отбывать солдатчину.

Находясь на военной службѣ и помня, что государь разрѣшилъ ему писать къ себѣ, Полежаевъ рискнулъ обратиться въ Петербургъ съ прошеніемъ о помилованіи или, хотя бы, о смягченіи участи. Отвѣта, однако, не послѣдовало. Тогда несчастный юноша рѣшился на безумный поступокъ: онъ самовольно оставилъ полкъ и пѣшкомъ отправился въ Петербургъ. Дорогой, однако, онъ одумался

Александръ Ивановичъ Полежаевъ.

и рѣшилъ вернуться въ полкъ; придя на мѣсто, онъ явился къ начальству. Отвѣтомъ на его объясненія былъ военный судъ надъ нимъ и приговоръ къ прогнанію черезъ строй. Приговоръ, однако, былъ смягченъ по повелѣнію государя: Полежаева лишили личнаго дворянства и разжаловали въ простые рядовые «безъ выслуги». Отчаяніе овладѣло молодымъ человѣкомъ. Поэтъ сталъ искать забвенія въ алкоголѣ. Начали выходить столкновенія съ начальствующими лицами и послѣ одного изъ такихъ столкновеній, когда Полежаевъ выбранилъ фельдфебеля, его опять судили, въ результатѣ чего поэтъ очутился въ тюрьмѣ, гдѣ провелъ почти годъ. По опредѣленію суда наказаніе не ограничивалось тюремнымъ заключеніемъ: прогнаніе черезъ строй—вотъ, что ожидало поэта, но приговоръ снова былъ смягченъ и осужденному вмѣнено было въ наказаніе содержаніе подъ арестомъ. Въ 1829 году мы встрѣчаемъ Полежаева на Кавказѣ, куда былъ переведенъ полкъ, въ которомъ онъ служилъ. Здѣсь, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, Полежаевъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ, всюду обнаруживая храбрость и иниціативу: бѣдняга надѣялся добиться такимъ образомъ офицерскаго чина; но судьба жестоко посмѣялась надъ нимъ и въ этотъ разъ: онъ вернулся съ Кавказа попрежнему солдатомъ «безъ выслуги».

Въ это время нашъ поэтъ познакомился съ шестнадцатилѣтней дѣвушкой Бибиковой, полюбилъ ее и, къ радости своей, встрѣтилъ взаимность. Родители дѣвушки, однако, поспѣшили прервать романъ: пристрастный къ вину солдатъ «безъ выслуги» былъ, конечно, незавидной партіей. Розовый лучъ, освѣтившій на мгновеніе темную жизнь Полежаева, такъ же неожиданно погасъ, какъ неожиданно появился... Мракъ снова сгустился вокругъ поэта; онъ познакомился съ Бѣлинскимъ и Герценомъ, но... какъ солдатъ, жизнь котораго расписана по табличкѣ, не имѣлъ возможности бывать въ обществѣ этихъ мыслителей. Поэтъ сталъ отчаянно пить, но желанное забвеніе не приходило... А тутъ какъ разъ подоспѣлъ туберкулезъ — и 16 января 1838 года Полежаева не стало. Хоронили его въ офицерскомъ мундирѣ, такъ какъ за нѣсколько дней до смерти ему дали чинъ прапорщика.

Что поэзія Полежаева такъ же мрачна, какъ и его жизнь, это, конечно, само собой понятно. Иной она и не могла быть, ибо, какъ говоритъ о себѣ поэтъ,

Любовь къ прекрасному, природа,
Младыя дѣвы и друзья,
И ты, священная свобода,
Все, все погибло для меня!

Или—

Мнѣ міръ—пустыня, гробъ—чертогъ,
Сойду въ него безъ сожалѣнья!

Интересно, однако, что на ряду съ подобными произведеніями вы встрѣтите у него стихи, поражающіе тѣмъ мужествомъ, которое одухотворяло ихъ автора.

Я умру!
Но какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Я недвижимъ и смѣлъ
Встрѣчу мигъ роковой!

На ряду съ мотивами чисто-субъективными встрѣчаются у поэта и другіе, звучащіе уже какъ протестъ противъ общественной неправды.

Очень хороши также стихи, въ которыхъ поэтъ выражаетъ свое сочувствіе «страждущимъ и угнетеннымъ».

Читая эти произведенія, невольно поражаешься той силой чувства, которая вложена въ нихъ. Такъ и кажется, что тутъ говоритъ не фраза, а сама душа поэта, вылившаяся въ сжатыя, сильныя формы...

А сколько красоты въ пѣсняхъ Полежаева въ народномъ жанрѣ,—сколько въ нихъ неподдѣльнаго чувства, настоящей художественности!

Большой талантъ,—талантъ яркій и своеобразный—вотъ, что слѣдуетъ сказать, говоря о поэтѣ-страдальцѣ.

С. Ленкевичъ.

чаѣ смѣна представленій протекала бы крайне медленно, темпъ душевной жизни замедлился бы, и человѣку нужно было бы не менѣе 80.000 лѣтъ, чтобы получить такую же массу впечатлѣній, какую онъ получаетъ въ дѣйствительности.

Изъ сказаннаго видно, что жизнь человѣка могла бы быть и иной продолжительности, чѣмъ это имѣетъ мѣсто на самомъ дѣлѣ, но въ отношеніи количества впечатлѣній, т.-е. своего внутренняго богатства, она осталась бы попрежнему человѣческой жизнью, вполнѣ тожественной съ тою, которую мы въ дѣйствительности видимъ.

Итакъ, предположимъ, что жизнь человѣка длится всего лишь 30 дней, т.-е. что она протекаетъ въ 1.000 разъ быстрѣе, чѣмъ теперь; количество получаемыхъ впечатлѣній осталось бы то же, человѣкъ попрежнему переживалъ бы юность и старость, вся разница была бы лишь въ томъ, что на полученіе каждаго впечатлѣнія уходило бы въ 1.000 разъ меньше времени, чѣмъ теперь.

Странной и удивительной была бы природа въ глазахъ такого человѣка.

О томъ, что существуютъ времена года, онъ ничего не зналъ бы, по крайней мѣрѣ, изъ личнаго опыта: ему пришлось бы жить всего лишь 30 дней — весеннихъ, лѣтнихъ, осеннихъ или зимнихъ, въ зависимости отъ того, въ какое время появился онъ на свѣтъ. Допустимъ, напримѣръ, что этотъ человѣкъ живетъ въ то время, которое мы называемъ декабремъ; естественно, что вся жизнь его протекала бы среди снѣговъ и морозовъ; и какъ удивился бы онъ, если бы узналъ, что нѣкогда существовало время, когда солнце стояло высоко - высоко на небѣ, когда было удивительное обиліе тепла и свѣта, когда весь живой міръ имѣлъ совершенно другой видъ. „Какъ счастливы были мои предки,—сказалъ бы такой человѣкъ,—они вѣчно наслаждались тепломъ и свѣтомъ, въ то время какъ я принужденъ вѣчно топить свой очагъ!..“ Исторія повѣдала бы ему, что тогда (т.-е. лѣтомъ) природа представляла міръ, полный кипучей жизни; онъ узналъ бы, что въ то время не было ни снѣга, ни льда, ни морозовъ, ни вьюгъ; онъ узналъ бы далѣе, что въ то время цвѣли цвѣты, пѣли птицы, что деревья были покрыты листьями, а равнины—сочной травой...

Словомъ, ему ничего не оставалось бы болѣе дѣлать, какъ безъ конца удивляться разсказамъ историковъ о давно минувшемъ сказочномъ вѣкѣ.

Другой тридцатидневный человѣкъ, жизнь котораго протекала бы въ теченіе нашего іюля, едва ли повѣрилъ бы тому, что нѣкогда существовало такое время, когда вся земля была покрыта снѣгомъ, вода въ рѣкахъ затвердѣла, луга представляли пустынныя равнины, деревья не имѣли листьевъ и—что всего удивительнѣе—стоялъ ужасный холодъ.

Выходитъ, такимъ образомъ, что природа могла бы показаться человѣку иной, совершенно непохожей на ту, которую мы въ дѣйствительности видимъ. Причина такой метаморфозы, однако, заключалась бы не въ измѣненіи природы, а въ измѣненіи человѣка. Картина міра могла бы быть иной, но не на самомъ дѣлѣ, а лишь въ глазахъ человѣка.

Предположимъ теперь, что на полученіе каждаго впечатлѣнія требуется въ 1.000 разъ больше времени, чѣмъ это имѣетъ мѣсто на самомъ дѣлѣ; соотвѣтственно этому жизнь человѣка удлинится и пройдетъ не менѣе 80.000 лѣтъ, прежде чѣмъ такое существо получитъ равное съ нами количество впечатлѣній.

Какой видъ приметъ въ этомъ случаѣ природа въ глазахъ человѣка?

Очевидно, что временъ года для человѣка опять-таки не существовало бы, но ужъ по другой причинѣ: въ данномъ случаѣ весна, лѣто, осень и зима не представляли бы собою явленій, принадлежащихъ различнымъ эпохамъ, какъ въ первомъ случаѣ, а, напротивъ, смѣняли бы другъ друга съ невѣроятной быстротой.

Это слѣдуетъ изъ того, что количество ощущеній на протяженіи цѣлаго года было бы невелико, а стало-быть, и время не могло бы казаться продолжительнымъ.

И вотъ *въ теченіе какихъ-нибудь 8 нашихъ часовъ* человѣкъ непосредственно наблюдалъ бы, какъ почва оттаиваетъ, снѣгъ растапливается, деревья зеленѣютъ, цвѣты распускаются, листья снова опадаютъ, снѣгъ снова выпадаетъ и т. д. и т. д. Такой непродолжительный феноменъ, пожалуй, и не интересовалъ бы человѣка... Зато явленія космическія, продолжительность которыхъ измѣряется столѣтіями, не могли бы ускользнуть отъ такого наблюдателя: онъ видѣлъ бы, что звѣзды медленно движутся въ пространствѣ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ; движенія въ системахъ двойныхъ и вообще сложныхъ солнцъ протекали бы непосредственно на его глазахъ и онъ видѣлъ бы, какъ спутники кружатся вокругъ центральнаго тѣла, подобно тому, какъ луна — вокругъ земли... Вѣчно движущійся механизмъ, не знающій ни остановки, ни покоя, вотъ что представляла бы собою картина мірозданія въ данномъ случаѣ. И, конечно, она была бы полной противоположностью той, которую мы нарисовали въ первомъ случаѣ: тамъ все казалось неподвижнымъ, пребывало въ покоѣ, здѣсь же, напротивъ, движеніе—вѣчное движеніе! — являлось бы существенной чертой. И такая картина была бы возможной, но при условіи, что продолжительность нашихъ ощущеній могла бы измѣниться.

Но чѣмъ же, въ такомъ случаѣ, является эта продолжительность впечатлѣній?

Конечно, не чѣмъ инымъ, какъ *мѣрой времени*: вѣдь съ измѣненіемъ этой именно мѣры измѣнилась бы картина мірозданія; тогда именно всѣ явленія природы протекали бы съ той или иной быстротой.

Придя къ этому выводу, мы тѣмъ самымъ получаемъ отвѣтъ и на другой, не менѣе важный вопросъ, что служитъ намъ масштабомъ при наблюденіи явленій природы?

Отвѣтъ ясенъ: такимъ масштабомъ является самъ человѣкъ. Въ зависимости отъ того, какъ измѣнился бы онъ самъ (а вмѣстѣ съ нимъ и его мѣра времени), такъ измѣнилась бы *въ его глазахъ* и природа...

Послѣ всего сказаннаго позволительно задать вопросъ: какая же картина міра была бы наиболѣе близкой къ истинѣ? Та ли, гдѣ вещи и явленія пребываютъ въ покоѣ, или же та, гдѣ все движется, гдѣ постоянное — не болѣе какъ призракъ, а переходящее — сама дѣйствительность?

Несомнѣнно, что эта вторая картина и была бы истинной картиной мірозданія: наука говоритъ намъ, что природа не стоитъ на мѣстѣ, а движется, что она развивается отъ низшихъ формъ къ высшимъ...

УГОЛОКЪ ФИЛАТЕЛИСТА.

Курсирующія почтовыя марки Греціи.

Война на Балканахъ закончилась.

Побѣдоносная Болгарія, Сербія и Черногорія уже заключили съ Турціей перемиріе, а между Греціей и Турціей пушки договариваютъ свое послѣднее слово. Предстоитъ заключеніе мира, по которому политическая карта Балканскаго полуострова, несомнѣнно, измѣнится.

Минувшая война, въ какіе-нибудь полтора мѣсяца приведшая къ почти полному крушенію военной мощи Оттоманской имперіи, вызвала во всѣхъ кругахъ общества живѣйшій къ себѣ интересъ и сочувствіе къ боровшимся народностямъ.

И въ филателическихъ кругахъ эта война также не прошла безслѣдно, хотя интересовала филателистовъ лишь постольку, поскольку происходившія событія могли отразиться въ изданіи новыхъ почтовыхъ марокъ. Дѣло въ томъ, что до этого времени за каждымъ измѣненіемъ политической карты неминуемо слѣдовало изданіе новыхъ почтовыхъ марокъ, и такъ какъ измѣненіе политической карты Балканскаго полуострова въ пользу державъ-побѣдительницъ представляется теперь несомнѣннымъ, то, вѣроятно, въ скоромъ времени и послѣдуетъ изданіе новыхъ почтовыхъ марокъ какъ для союзныхъ государствъ, такъ даже, можетъ-быть, и для побѣжденной Турціи.

Въ періодической печати уже успѣло промелькнуть извѣстіе о томъ, что греческое правительство рѣшило ознаменовать теперешнюю свою побѣдоносную войну выпускомъ новыхъ почтовыхъ марокъ, къ изготовленію которыхъ, по слухамъ, уже приступлено. Надо поэтому думать, что курсирующія греческія

Рис. 1.

Рис. 2.

марки останутся во всеобщемъ употребленіи уже не долго и вскорѣ уступятъ свое мѣсто новой серіи.

О прекращеніи выпуска ихъ можно будетъ только пожалѣть, такъ какъ онѣ украшены весьма оригинальными рисунками-копіями съ древне - греческихъ монетъ до - христіанской эпохи и являются интересными художественными произведеніями, удовлетворяющими до нѣкоторой степени нашъ эстетическій вкусъ.

Курсирующія теперь греческія марки были изданы въ прошломъ году, почти одновременно съ изданіемъ новыхъ почтовыхъ марокъ въ Болгаріи, Сербіи и Черногоріи—какъ разъ во всѣхъ четырехъ государствахъ, нынѣ входящихъ въ составъ Балканскаго союза.

Серія этихъ марокъ состоитъ изъ 16 штукъ, отъ одного лептона до 25 драхмъ включительно, при чемъ марка въ 25 драхмъ появляется вообще впервые среди греческихъ

Рис. 3.

Рис. 4.

почтовыхъ марокъ; до этого времени самой дорогой была марка въ 10 драхмъ, изданная въ юбилейной серіи 1896 года. На нихъ воспроизведены три различныхъ изображенія бога Гермеса и одно богини Ириды — всѣ, какъ уже сказано, по прототипу старинныхъ греческихъ монетъ.

Изображеніе бога Гермеса, сына Зевса и Майи, является до сихъ поръ почти постояннымъ украшеніемъ греческихъ марокъ, и изъ всѣхъ выпусковъ марокъ Греціи только одинъ, юбилейный 1906 года въ память олимпійскихъ игръ, не украшенъ этимъ изображеніемъ. На остальныхъ выпускахъ, какъ до 1896 года (см. рис. №№ 1 и 2), такъ и на маркахъ выпуска 1902 г. (рис. 3) изображена голова Гермеса, а выпускъ 1901 г. изображаетъ его во весь ростъ, во время бѣга (рис. 4 и 5.) На юбилейныхъ маркахъ 1896 года въ память возобновленія олимпійскихъ игръ онъ, на маркѣ въ двѣ драхмы, изображенъ въ томъ видѣ, какъ его изобразилъ геніальный древне-греческій скульпторъ Пракситель въ мраморной группѣ, извѣстной подъ названіемъ: „Гермесъ

ОХОТА ЗА КУРЬЕЗАМИ СЪ ФОТОГРАФИЧЕСКОЙ КАМЕРОЙ.

КОФЕ ГОРЯЧЕЕ!..

Уличный продавецъ горячаго кофе въ Константинополѣ — современный турокъ на фонѣ остатковъ Византіи.

СОБАКА, КУПЛЕННАЯ ЗА 10 ТЫС. РУБЛЕЙ.

Бульдогъ этотъ, получившій за свою «красоту» столько призовъ на выставкахъ, какъ ни одна собака въ мірѣ, — чистокровный англичанинъ. Онъ купленъ Робертомъ Лоббэномъ, нью-йоркскимъ богачомъ, у м-ссъ Гопкинсъ въ Брикстонѣ, за 10.000 руб.

СТРЕМЛЕНІЕ РАСТЕНІЙ КЪ СВѢТУ.

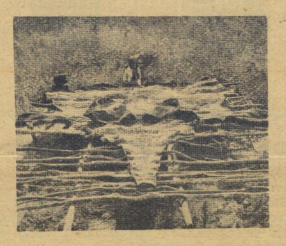
Нашъ рисунокъ изображаетъ кустъ артишока, покрытый маленькимъ цвѣточнымъ горшкомъ, почти не дававшимъ доступа свѣту. Луча, проникавшаго въ его темницу чрезъ отверстіе въ днѣ, было достаточно, чтобы показать растеньицу путь къ свѣту.

ДЛИННѢЙШАЯ БОРОДА ВЪ СВѢТѢ.

Въ Австріи существуетъ преданіе о нѣкоемъ рыцарѣ Гансѣ Штейнингерѣ, жившемъ въ XV столѣтіи и обладавшемъ длиннѣйшей бородой, когда-либо виданной на свѣтѣ. Къ несчастью, обладаніе этой бородой оказалось роковымъ для рыцаря. Въ октябрѣ 1567 г., возвращаясь домой въ «веселомъ расположеніи духа», Штейнингеръ запутался въ своей длинной бородѣ, поскользнулся и расшибся о камни. Скульпторъ увѣковѣчилъ его бороду на статуѣ, которая въ настоящее время находится въ музеѣ города Гамбурга.

ОДЕЖДА ГИГАНТА.

Нашъ рисунокъ изображаетъ кожу африканскаго слона, снятую цѣликомъ и выставленную для просушки на солнцѣ. Въ настоящее время изъ этой кожи сдѣлано чучело слона, которое выставлено въ вестибюлѣ Кенсингтонскаго музея въ Америкѣ.

ОРИГИНАЛЬНОЕ ПОДНОШЕНІЕ.

На одномъ изъ послѣднихъ концертовъ итальянской пѣвицы Мельбо въ Лондонѣ, ей было сдѣлано граммофонной компаніей цвѣточное подношеніе въ видѣ кенгуру, почти въ натуральную величину, составленнаго изъ красновато-коричневыхъ хризантемъ.

ПЛОДЪ РАСТЕНІЯ, ДАЮЩАГО ВСѢМЪ ИЗВѢСТНЫЙ НАПИТОКЪ.

Всѣ мы пьемъ какао и шоколадъ, но рѣдко кто видалъ плодъ растенія, доставляющаго этотъ напитокъ. Плоды-бобы сидятъ въ общей оболочкѣ. Растеніе растетъ въ экваторіальной Америкѣ. Какао—растертые бобы его, изъ которыхъ выжато масло; шоколадъ—какао съ сахаромъ и ванилью.

ДРЕВНѢЙШІЙ КОЛОКОЛЪ ВЪ МІРѢ.

Древнѣйшій колоколъ въ мірѣ, найденный извѣстнымъ археологомъ профессоромъ Деличемъ при раскопкахъ въ Вавилонѣ. Онъ изъ бронзы; языкъ его въ видѣ змѣиной головы. Считаютъ, что колоколу 2900 лѣтъ.

ОРИГИНАЛЬНАЯ КАРТОФЕЛИНА.

Эта картофелина представляетъ оригинальную игру природы: вглядѣвшись въ нее, мы ясно увидимъ чрезвычайно забавное лицо съ высоко закрученной косой на макушкѣ (маленькій отростокъ картофеля).

съ мальчикомъ Діонисомъ въ рукахъ“ (см. рис. 6) и найденной въ 1877 г. при раскопкахъ въ Олимпіи.

Эта излюбленность въ изображеніи Гермеса на греческихъ маркахъ можно объяснить себѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Гермесѣ наиболѣе полно отразились типичныя черты греческаго народа: умъ, ловкость и изворотливость.

Рис. 5. Рис. 6.

Онъ, какъ извѣстно, хитрый, проницательный богъ торговли и промышленности, которыя выгодны лишь тогда, когда идутъ рука объ руку съ изворотливостью и даже обманомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Гермесу не чужды и минуты поэтическаго вдохновенія. Въ греческой миѳологіи онъ, первоначально богъ стадъ и пастбищъ, доходитъ до высокаго положенія въ сонмѣ олимпійскихъ боговъ; онъ становится богомъ вѣтровъ, богомъ дорогъ, путеводителемъ странниковъ, низводящимъ души умершихъ къ подземнымъ богамъ; онъ богъ сна и прикосновеніемъ своего волшебнаго жезла даруетъ людямъ чудесныя сновидѣнія и пробуждаетъ утромъ.

Далѣе, онъ богъ гимнастики, дающей людямъ красоту и здоровье; онъ богъ остроумія, краснорѣчія, изобрѣтатель письма и чиселъ, также математики и астрономіи.

Наконецъ онъ гонецъ и глашатай боговъ, преимущественно Зевса, приказанія котораго онъ разноситъ по землѣ „съ быстротой вѣтра“.

Обращаясь къ курсирующимъ греческимъ маркамъ, прежде всего замѣтимъ, что Гермесъ на маркахъ въ 1 лептонъ, 3 и 10 лепта, а также и въ 25 драхмъ изображенъ одинаково. Всѣ перечисленныя марки украшены изображеніемъ его головы, представленной здѣсь совершенно отличной отъ того, какъ она изображалась до этого времени на остальныхъ греческихъ маркахъ (см. рис. 1, 2, 3 и 7). Новое изображеніе является копіей древне-греческой монеты, выпущенной въ V вѣкѣ до Р. Х. въ Сибритѣ, на островѣ Критѣ. Главное отличіе этого изображенія заключается въ головномъ уборѣ, который является однимъ изъ необходимыхъ атрибутовъ бога и изображался до сихъ поръ на маркахъ только въ видѣ колокола съ крыльями. Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе положеніе другого атрибута бога—его жезла, помѣщеннаго передъ самымъ лицомъ бога. Это—золотой волшебный жезлъ счастья; онъ раздѣленъ на три вѣтви, изъ которыхъ двѣ верхнія скручены въ узелъ, что достаточно ясно видно на рисункѣ 7.

Рис. 7.

Рис. 8.

„Гермесъ, завязывающій сандаліи“, изображенный на маркахъ въ 5, 30 и 50 лепта (см. рис. 8), взятъ также съ сибританской монеты, въ IV вѣкѣ до Р. Х. Здѣсь Гермесъ изображенъ совершенно въ видѣ посланника боговъ: въ одну минуту завяжетъ онъ развязавшіяся во время бѣга сандаліи и снова помчится исполнять приказанія Зевса.

Монета изъ Тенеоса въ Аркадіи, также IV вѣка до Р. Х., послужила образцомъ для третьяго изображенія Гермеса — на маркахъ въ 1, 2, 3, 5 и 10 драхмъ (см. рис. 9). Она представляетъ Гермеса несущимъ на рукѣ младшаго своего брата Аркаса, основателя рода аркадійцевъ.

Рис. 9. Рис. 10.

Наконецъ четвертый и послѣдній рисунокъ курсирующихъ греческихъ марокъ (рис. 10) изображаетъ богиню радуги Ириду, дочь Тавманты и Электры, сестру Гарпій.

Изображеніе ея на почтовыхъ маркахъ появляется вообще впервые; данный рисунокъ—копія со старинной греческой монеты неизвѣстнаго происхожденія.

Ирида славится своей красотой; въ греческой миѳологіи она юная, быстроногая и золотокрылая вѣстница боговъ и, какъ Гермесъ исполнитель порученій Зевса, такъ она исполнительница приказаній Геры, которыя она разноситъ по землѣ, въ морскія глубины и даже въ преисподнюю.

Надписи на всѣхъ курсирующихъ маркахъ одинаковы: вверху стоитъ названіе страны, а внизу обозначена стоимость данной марки.

Таковы курсирующія греческія марки.

Разсмотрѣвъ ихъ, мы видимъ, что онѣ заслуживаютъ быть отмѣченными, такъ какъ воспроизводятъ образцы древне-греческаго искусства и популяризуютъ его такимъ образомъ въ широкихъ массахъ.

А. Б. Андресъ.

Изъ великой книги природы.

Какую же форму имѣетъ земля.

Недавно одинъ ученый, Золласъ, представилъ новую гипотезу о формѣ нашей земли; эта гипотеза разнится отъ общепринятаго взгляда на форму земли, которая, по мнѣнію Золласа, имѣетъ не форму шара, а напоминаетъ немного грушу.

„Если мы будемъ разсматривать глобусъ,— говоритъ Золласъ, — то легко замѣтимъ, что расположеніе вулкановъ и вулканическихъ острововъ, а также и контуры береговыхъ линій и горныхъ цѣпей образуютъ въ своей совокупности круги или овалы“.

Наиболѣе яркимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи являются Алеутскіе острова, а также кругъ вулканическихъ острововъ, центръ котораго лежитъ подъ 15° с. ш. и 118° в. д., нѣсколько западнѣе о. Люсона.

Линія, образующая этотъ второй кругъ, начинается въ Бирмѣ, касается Аннамскихъ острововъ и затѣмъ поворачиваетъ на Зондскіе острова.

Если соединить центры двухъ указанныхъ круговъ, какъ самыхъ важныхъ и наиболѣе ясныхъ, другимъ, болѣе обширнымъ кругомъ, то линія окружности этого новаго круга пройдетъ по морямъ, омывающимъ восточный край Азіи, коснется Аляски, пройдетъ черезъ средину Сѣверной Америки, оконечность Флориды, захватитъ Вестъ-Индское море, перейдетъ затѣмъ въ Южную Америку и, минуя южную Бразилію, снова выйдетъ въ Тихій океанъ и, перейдя черезъ него, протянется вдоль антарктическаго побережья и, пройдя къ западу отъ Австраліи, эта линія вновь достигнетъ остъ-индскаго центра.

Одинъ изъ полюсовъ этого громаднаго круга будетъ находиться вблизи Куфры, въ Ливійской пустынѣ, другой—въ Тихомъ океанѣ, къ югу отъ острововъ Товарищества, подъ 35° ю. ш. и 152° з. д.

Если поставить глобусъ такимъ образомъ, чтобы „африканскій полюсъ“ находился непосредственно предъ глазами наблюдателя, то, по словамъ Золласа, „африканскій континентъ представится въ видѣ широкаго купола, окруженнаго моремъ и отдѣленнаго отъ Тихаго океана неправильнымъ поясомъ суши съ нѣсколькими перерывами; поясъ этотъ идетъ въ срединѣ между тихоокеанскимъ и африканскимъ „полюсами“.

На ряду съ этимъ Золласъ приводитъ въ доказательство правильности своей гипотезы и нѣсколько другихъ доводовъ.

На основаніи всѣхъ своихъ наблюденій онъ заключаетъ, что наша земля имѣетъ грубо-грушевидную форму, при чемъ Африка соотвѣтствуетъ удлиненному и болѣе заостренному концу груши, а Тихій океанъ— противоположному, расширенному концу ея.

Для объясненія этой формы Золласъ ссылается на гипотезу Г. Ч. Дарвина относительно отдѣленія луны отъ земли и на теорію О. Фишера, по которой Тихій океанъ представляетъ рубецъ той раны, гдѣ луна оторвалась отъ земли.

Н. Л.

Редакторъ Вл. А. Поповъ.

